

Внеклассное чтение

2021

Сборник

Внеклассное чтение. 2021

«Издательство «Союз писателей»

2021

УДК 82-822
ББК 84(2=411.2)6

Сборник

Внеклассное чтение. 2021 / Сборник — «Издательство «Союз писателей», 2021

ISBN 978-5-00143-574-7

В сборник вошли стихотворения и рассказы различных жанров, которые будут интересны детям. Благодаря различию тем, книга способствует всестороннему развитию мировоззрения школьников. Материалы сборника вобрали в себя полезные знания, которые пригодятся детям во время учебного процесса и станут дополнением к школьной программе. Произведения, вошедшие в сборник, были тщательно отобраны для формирования у детей литературного вкуса и читательского интереса. Рассказы и стихотворения являются лучшими образцами творчества современных прозаиков и поэтов. Их содержание полностью соответствует интеллектуальному развитию детей младшего и среднего школьного возраста.

УДК 82-822
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-00143-574-7

© Сборник, 2021
© «Издательство «Союз писателей», 2021

Содержание

Рассказы	6
Марьям Аверина	6
Облака над озером	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	10
Эпилог	11
Сергей Андреев	12
Крылья Майра	12
Марат Валеев	16
За ёлкой	16
Лина Вара	22
Дедушка	22
Ольга Видяйкина	24
Сказки «на ходу»	24
Кристина Волчецкая	25
Снежные ангелы	25
Голубь мира	26
Майя Галицкая	28
Возвращение	28
Светлана Дотц	33
Друг детства	33
Татьяна Жихарева	35
Чита	35
Ежи Ким	37
Кто украл крольчат	37
Песенка для маленьких крольчат	37
Как братец Койот остался без ужина	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Внеклассное чтение. 2021: Сборник
рассказов и стихотворений для детей
Редактор составитель Вера Сытник**

© В. В. Сытник, составление, 2021

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2021

© ИП Соседко М. В., издание, 2021

Рассказы

Марьям Аверина

Облака над озером

Глава 1

– Смотри, облака висят над озером. Низко-низко. Озера совсем не видно. – Алёна прижалась лбом к стеклу единственного в их маленьком доме окошка.

– Где? Покажи! – Ромка подбежал к сестре и тоже стал смотреть в окно.

– В мир пришёл Туман Туманович, и сегодня ночью он съест всю нашу деревню, – нарочно страшным голосом проговорила Алёна. – Интересно, как там в тумане?

– Алёнка! Пойдём, посмотрим, пока мама с работы не пришла. Мне одному нельзя гулять вечером, – стал просить её Ромка. Эх, если бы ему было девять лет, как Алёнке...

– Идём! – неожиданно легко согласилась сестра, и дети стали торопливо собираться.

Они шли по деревенской дороге сырыми ноябрьскими сумерками к озеру, которое находилось недалеко от их дома. Деревья и дома по краям дороги были белёсыми, земля под ногами тоже была седой. Знакомый мир вдруг стал необычным и загадочным, словно какие-то инопланетяне посыпали его своим космическим порошком, и он до сих пор летал в воздухе и постепенно оседал на траву, камни, деревянные дома и само озеро. Ромка живо представил себе эту картину, как над их деревней кружит огромная летающая тарелка, а из круглых иллюминаторов рассеивается и падает на землю белая пыль. Мальчик даже задрал голову и стал смотреть на небо, но из-за тумана его было совсем не видно.

Дети шли уже по тропинке вдоль берега, и впереди тоже ничего не было заметно. Ромке на миг стало страшно, но потом он вспомнил, что у него послезавтра день рождения, и ему от этой мысли сразу на душе похорошело. Ещё бы! Послезавтра с севера ему лично будет звонить папа, а ещё он получит от родственников кучу самых разных подарков.

– Алёна! Аты помнишь, как мама в прошлом году накрыла специально для меня праздничный стол, а ты загадала загадку? И я не смог отгадать.

– Помню, – ответила та. – Про шкатулку с драгоценностями.

– Это гранат – шкатулка с драгоценностями. А его зёрна – драгоценные камушки.

– Молодец, Ромка! – похвалила Алёна и взяла его за руку. – А помнишь, как ты прибежал с огорода домой и сказал маме, что все огурцы замёрзли?..

– Ага! Они тогда ещё все в мурашках были, – сказал Рома.

– Не в мурашках, а в пупырышках. – Алёна звонко рассмеялась, и от её смеха страх у Ромки куда-то улетучился.

– Я же тогда ещё глупый был, потому что маленький. Это я сейчас знаю, что мама сажает разные сорта огурцов, и гладкие, и с мурашками.

Алёна снова расхохоталась, и Ромке тоже стало смешно, глядя на сестру.

Вдруг, словно ниоткуда, у самых ног появилась лодка. В тумане были хорошо видны её тёмные очертания. Лодка стояла неподвижно. И вокруг была такая пустая тишина, от которой детям стало не по себе.

– Пойдём домой, – испуганно прошептал Ромка и оглянулся назад. Сзади стояла белая стена из тумана. А куда идти, в какую сторону? Где-то недалеко должен быть высокий холм с

обрывом, с которого летом мальчишки постарше прыгали вниз, в озеро. А вдруг они пойдут не той дорогой и упадут с обрыва вниз?

– Не бойся! Мы переждём в лодке, пока туман не рассеется, – ответила Алёна и решительно потянула брата за собой в лодку.

Дети сели в лодке напротив друг друга и, чтобы скоротать время, решили поиграть в любимую игру, в которой один человек описывал какой-нибудь предмет или событие, другой должен был отгадать, что это такое. Как всегда, игру начала Алёнка.

– Два близких друга, а может быть, и брата, решили поиграть в прятки с одной старушкой. И были они разного цвета.

– Знаю! Знаю! Угадал! – обрадовался Ромка и вскочил на ноги. – Это песня про бабуся и двух весёлых гусей.

Ромка на радостях стал качаться в лодке. Дети не заметили, как лодка медленно отплыла от берега.

– Моя очередь загадывать! – Мальчик смеялся, всё ещё радуясь, что так быстро ему удалось разгадать Алёнкину задачку.

– Она похожа на волшебную палочку, но работает по-другому.

Алёнка думала долго, а Ромка тем временем корчил ей рожицы. И только когда он поднёс руки ко рту и заиграл пальцами на невидимом инструменте, она догадалась, что речь шла о волшебной дудочке из сказки о мальчике Нильсе и его гусиной стае.

Дети настолько увлеклись игрой, что забыли, где находятся. Когда лодка резко уткнулась во что-то твёрдое, и Ромка, потеряв равновесие, полетел со своей скамейки прямо на сестру, они поняли, что лодка была отвязана и всё это время они плавали по озеру.

– Это дерево! Мы врезались в дерево, Ромка! Мы возле того самого острова. Надо найти верёвку и привязать лодку к какой-нибудь крепкой ветке.

Тот самый остров был единственным посреди большого озера. Дерево, в которое врезалась лодка, стояло в воде. Алёнка пошарила руками у носа лодки и вытащила из воды мокрую верёвку. Теперь нужно было правильно развернуть лодку и привязать её к стволу.

Ромке снова стало страшно. Даже если туман рассеется, как их найдут? Неизвестно, с какой стороны острова они сейчас находятся. И мама, наверное, уже пришла домой с работы и ждёт их с Алёнкой на ужин. При мысли об ужине, Ромке сразу очень захотелось есть. Алёнка тем временем вытащила из воды корявую палку и с её помощью развернула лодку в нужном направлении. Привязав её к дереву, она ловко спрыгнула на берег.

– Ромка! Давай ко мне! Не бойся!

Глава 2

Дети бродили по острову, а тот из-за неясных и загадочных очертаний казался им далёкой незнакомой планетой. И на этой незнакомой планете было холодно и ужасно хотелось кушать. Туман, словно рваная хлопковая вата, накрыл собой деревья и траву, и ощущение времени растворилось в этой неуютной рваной белизне. Вдруг совсем рядом дети услышали какой-то треск. Вглядываясь, Алёнка увидела в воздухе огненные искорки. Было похоже, что кто-то развёл очень большой костёр, только вот самого костра не было видно, и только его многочисленные огненные светлячки весело плясали в туманном воздухе.

– Наверное, рыбаки разожгли костёр, – предположил Ромка. Задрав голову, он зачарованно наблюдал за несколькими маленькими огонёчками, пролетающими над ними. Мальчик протянул ладошку им навстречу, и они, живые тёплые светлячки, послушно развернулись и уселись на детскую замёрзшую ладонь. А потом вспорхнули и медленно полетели обратно на треск. Алёна крепко сжала Ромкину руку, и дети отправились вслед за огоньками.

Костра не было, и рыбаков, разумеется, тоже. Но от многочисленных огненных светлячков было хорошо видно, что на земле лежат серые круглые и овальные камни. И эти камни трещали и искрились сами по себе и выпускали маленькие светляки-огонёчки в воздушное пространство.

Ромка присел на корточки и потрогал один из них. Камень был тёплым, искорки вылетали из него и проходили прямо через детскую ладошку и потом уже летели дальше в стылый туман. Сначала дети грели руки о камни, наблюдая, как искры чудесным образом проходят сквозь ладони. Потом Алёна усадила Ромку на самый большой и тёплый каменный овал, а два небольших кругляша положила ему прямо за пазуху. И сразу же со всех сторон приятное тепло окружило мальчика. Есть уже не хотелось, только спать. И Ромка уснул, положив Алёнке голову на колени. Алёнка караулила его сон и слушала, как младший брат разговаривает во сне с серыми камнями. Девочка улыбнулась его словам, погладила пальцами небольшой камушек в своём кармане и вдруг почувствовала, как тот откликнулся в ответ мягким и ласковым прикосновением.

Камни были живыми. И в этом не было никакого сомнения.

Глава 3

Да, тёплые серые камни были живыми. Когда дети проснулись, в воздух взлетела целая армия искрящихся живых бабочек, увлекая детей за собой в лес. Огненные бабочки дружно упали в определённом месте и словно провалились под землю. Алёна, вооружившись острыми сучками, вместе с братом накопала им на завтрак крупные корни какого-то растения. Промытые в холодной озёрной воде и подогретые на камнях корни были проглочены моментально. Дети повеселели, им было тепло и совсем не страшно. Потом Ромка с помощью Алёны пересчитал все серые камни (их оказалось ровно шестьдесят), и они стали придумывать им имена. Точнее, имена выбирали себе сами камушки. А дети только называли первые пришедшие им на ум слова. И камни поочерёдно соглашались с каким-нибудь именем, выбрасывая в воздух в знак согласия золотистые огненные звёзды.

Ближе к вечеру обнаружилось, что лодка уплыла далеко от берега. И добраться до неё не было никакой возможности.

– Не расстраивайся, Ромка! – успокоила брата Алёнка. – Нас уже ищут. Мы сейчас перенесём камни на берег, они будут искриться высоко в воздухе, и их обязательно заметят. А если не заметят, вернёмся домой по льду, когда озеро совсем замёрзнет.

Перенести необычные камни на берег дети не успели. Неожиданно поднялся сильный ветер, затем крупными хлопьями на землю повалил первый снег. Алёна сообразила построить из камней, что побольше, круг, и вот дети уже сидят внутри него на маленьких тёплых кругляшах. Камни трещали громко, но искорки, взлетая вверх, не улетали в стылое пространство, а склеивались между собой в золотой звёздный купол. Через него не проходили ни снег, ни пронизывающий насквозь холодный ветер. Алёне и Ромке было тепло и уютно. Дети сидели, обнявшись, в каменном кругу и мечтали, как завтра они будут отмечать шестой Ромкин день рождения. Камни в знак одобрения искрились в ответ золотистыми звёздочками. Так, переговариваясь, дети, незаметно для себя, уснули.

Глава 4

Ромка проснулся первым. Светало. Высокий круг из камней рассыпался и превратился в серый песок. За песочным серым кругом лежал снег и дул ветер. Ромка расплакался и стал будить сестру.

– Они отдали нам всю свою силу, чтобы мы не замёрзли. Они все умерли! Умерли! Они умерли в мой день рождения, – в отчаянии повторял он. Алёна не сразу сообразила, что произошло, а когда поняла...

– Они не умерли, Ромка. Они ушли жить в другой мир. И они там счастливы.

– Ты не можешь этого знать. Ты же сама видишь. Они мертвы! – Ромка плакал и бил кулачком по серому и ещё тёплому песку. У Алёны от страха сжалось сердце.

– Господи! Если ты существуешь, помоги нам. Пожалуйста! – неожиданно вырвалось у девочки, и она с надеждой посмотрела на утреннее небо. И вдруг...

– Ромка! Они глядят на нас! Они поздравляют тебя с твоим шестилетием!

Ромка поднял голову и увидел, как на рассветном небе закружилось в медленном хороводе созвездие. Новое созвездие из золотистых звёздочек, так похожее на праздничный торт с шестью свечками. Да, это были они, серые волшебные камни.

– Я же тебе говорила, они просто ушли жить в другие миры. Наши камни стали красивым созвездием. Помнишь, ты вчера рассказывал им про свой день рождения? Это твой торт, Ромка! Твой звёздный торт! И у тебя сегодня двойной день рождения.

Алёнка смеялась и целовала своего маленького брата. А тот зачарованно глядел на звёзды.

В это время со стороны деревьев слышались голоса. Это люди из деревни прочёсывали лес на острове в поисках пропавших детей. Голоса раздавались всё ближе и ближе. Дети откликнулись не сразу. Они смотрели на небо до тех пор, пока Созвездие Ромкиного Торта не исчезло из виду.

– Как ты думаешь, я увижу их когда-нибудь? – задумчиво проговорил мальчик.

– Поживём – увидим, – совсем как мама ответила Алёна и потянула Ромку навстречу людям.

Эпилог

Через полгода после всех этих событий с севера с заработков вернулся папа, и вся их семья переехала жить в просторный дом на самом берегу озера. У этого дома было целых пять окон, три из которых смотрели на тот самый остров. Возле двора рос высокий раскидистый тополь, на котором папа построил для Ромки маленький домик на дереве. А ещё чуть позже он привёз из города шестьдесят солнечных фонариков и развесил их на крепких тополиных ветках. Тем же вечером папа и Алёнка торжественно назначили Ромку смотрителем собственного маяка. А мама в честь этого чудесного события приготовила замечательный ужин.

Так у Ромки появился свой маяк. Днём его удивительные фонарики вбирали в себя энергию солнца, а по ночам светили тёплым и ласковым светом.

...Когда наступали густые туманные вечера, Ромка, засыпая в своей тёплой постели, представлял себе, как деревенские рыбаки в своих лодках с благодарным сердцем плывут навстречу их золотистым зовущим огонькам. И тогда мальчик радовался всем своим сердцем и засыпал со счастливой улыбкой на лице.

Сергей Андреев

Крылья Майра

Однажды волшебник Аргентиум Крациус прилёг отдохнуть под тенью клёна. Он долго шёл из Каменного Города до Тихой Чащи, где находился его дом, что сильно устал и крепко заснул. В морщинистых руках лежал его дубовый посох, на который старик обычно опирался и которым творил волшебство. Хоть Аргентиум и спал глубоко, но вдруг проснулся, когда почувствовал, что кто-то крадёт его посох.

Напротив себя волшебник увидел мальчишку в рваной одежде и босыми ногами. Белое лицо его было чумазо и страшно, а светлые кучерявые волосы облепили голову космами. Среди грязного лица на Аргентиума уставились два испуганных голубых глаза мальчика и так и не посмели оторваться.

– Никак посох мой решил присвоить? – с грозным видом спросил Аргентиум. Глаза мальчика тут же расширились от испуга, и он отдёргнулся от старика, парализованный немой паникой.

– Что ты собирался сделать с моим посохом, молодой человек? – спросил Аргентиум, прищурив глаза. Старик привстал, оглядываясь, и отряхнул длинный плащ.

Увидев такую перемену в лице волшебника, мальчик заговорил:

– Господин волшебник, я не думал его воровать... Я не вор, не подумайте! Мне хотелось, чтобы он исполнил моё единственное желание. Самое невозможное, а потому – самое важное!

Лицо Аргентиума Крациуса прорезали сладкие масляные морщины. Мальчик казался ему безобразным.

– Ты кто таков? – спросил он, но не грозно, как в первый раз, а мягко, словно заботливый дедушка. Даже седая борода стала на вид будто пушистей.

– Моё имя Майр, – начал мальчик, заикаясь. Он всё ещё смотрел большими глазами и дрожал: – Больше я о себе ничего не скажу, потому что большего не знаю.

– Так, а где твой дом? Твои родители будут сильно расстроены, когда увидят тебя... кхм, испачканным.

– Я не знаю, где мои родители. Я живу в доме с другими детьми, похожими на меня. Вот и всё.

Аргентиум нахмурился. Он понял, что только что сказал ему мальчик. Бывает, что хоть и другими словами, но мы можем понять, о чём нам говорят. Аргентиум присел перед Майром, и их глаза оказались на одном уровне. Лицо волшебника приобрело серьёзное выражение, но краски озорства не потерялись, потому оно не выглядело строгим.

– Какое же желание, милый друг, ты хотел загадать? – бархатным голосом спросил Аргентиум.

Майр смутился, часто заморгал и осунулся.

– Мне хотелось бы стать кем-то наподобие ветра, чтобы везде летать, всё видеть, всё слышать и всё знать. Я хотел бы быть свободным и не возвращаться в тот дом, который считается моим родным. Я не хочу оставаться здесь. Пожалуйста, если это возможно, заберите меня с собой и я стану, как вы – странником...

В глазах Майра Аргентиум увидел такую печаль и тоску, что и сам загрустил с такой же силой, как и мальчик. Недолго думая, волшебник взмахнул посохом, три раза ударил по земле и один – кулачком по стволу клёна. Перед Майром в тот же миг появились белые пернатые крылья, похожие на голубиные, но в несколько раз больше.

– Примерь-ка их! – проговорил Аргентиум, а Майр тем временем надел на спину два белых крыла.

Ощущение полёта было непривычно, но невероятно лёгким. Крылья поднимали, и из-под ног уходила бrenная земля, и маленькие голые стопы свободно болтались в воздухе.

– Лети, мой дорогой, лети! – прощался Аргентиум Кра-циус. – Но запомни: никогда не отдавай и не отпускай крылья, ни за какие богатства или земные ценности. Крылья отпустишь и пропадёшь. Не нужно тебе этого!

С тех пор прошло лет восемь, а может, и все двенадцать, да только подросток Майр и превратился из мальчика в настоящего юношу, широкоплечего и с ясными глазами. Лицо его белое, светлое, как и волосы, могли напомнить сияние небесной звезды Сириус. Крылья, как и предостерегал волшебник, он берёг, ухаживал, грел первыми весенними лучами солнца, зимой же перелетал в южные широты.

Майр успел облететь треть Земли и побывать в самых различных местах. Он гулял по обширным плоскогорьям, залетал в солнечные пустыни, бродил по таёжным лесам, пересекал глубокие моря и океаны, возвышался на пики гор и спускался на самое дно впадин, расположенных на суше. Путешествия всегда были для Майра испытанием, которое он проходил, закаляя свой дух.

Майр так привык к крыльям, что почти никогда не снимал их. Исключения делал, только когда шёл купаться в озере или во время плохой погоды. В плохую погоду юноша вообще никогда не летал. Он берёг крылья. Но однажды Майр посетил горный перевал между двумя долинами, где рос дивный эдельвейс. Солнце припекало небольшой луг с дикими цветами, а небо настолько сияло голубизной, что в нём запросто можно было утонуть. Майр планировал остаться на лугу и найти убежище для ночёвки. Однако из-за высоких горных пик показались ленивые тучи, низко ползущие к перевалу. Каменные хребты запросто пропускали касающуюся их грязную вату, и вдруг откуда-то сверху резко подул холодный ветер.

Майр стал быстро искать небольшую пещеру, чтобы спрятаться от надвигающейся непогоды. Ветер дул всё сильнее, и тучи уже стояли над головой юноши. В какой-то момент посыпались холодные крупные капли, и тут Майр понял, что нужно быстро улетать. Дождь расходился. Капли всё чаще рушились на землю. Когда дождь разошёлся окончательно, крылья Майра уже были мокрыми, а горные препятствия только мешали улететь за черту разбушевавшегося ливня. Перевал вмиг оказался утопающим в тысячах луж и канавок.

В какой-то момент Майр почувствовал, что шевелить крыльями становится всё тяжелее, а летит он медленнее. Боясь разбиться, юноша стал спускаться, как вдруг крылья размокли настолько, что стали совершенно неподъёмными. Тогда Майр и стал падать. Он в последний раз успел окинуть взглядом луг с дикими горными эдельвейсами, прежде чем свалился и потерял сознание. Дождь продолжал стучать по земле, словно молотком по гвоздям, и прекратился только, когда утопающий перевал застлала серебряная дорожка полной луны. Мириады звёзд тут же окружили холодные ночные небеса, а Майр так и продолжал лежать мокрый и без сознания. За острыми пиками гор стало светать. Солнце окрасило белые облака в сладко-розовые оттенки. Перевал озарился. От вчерашнего ливня остались только сырые цветы да камни с пропитанной влагой почвой.

Майр встал и с трудом расправил тяжёлые обвисшие крылья. Он отряхнулся и пошёл по лугу эдельвейсов к выходу из перевала в долину. Ветер сушил перья, но и охлаждал юношу. К обеду кое-как Майр всё-таки сумел взлететь. Он поднялся невысоко и летел медленно, стараясь не надрываться, но даже так почувствовал, как крылья «хромают». Из-за этого его качало из стороны в сторону. И всё же Майр продолжал упрямяться и летел, пока горы не оказались позади. Он приземлился на закате, когда рыжее лисье солнце пряталось за очертания хвойного леса. Провёл ночь под звёздами и ясным небом, разведя костёр и соорудив шалаш.

Утром с новыми силами отдохнувший и подкрепившийся Майр отправился в очередное путешествие, однако случилось непредвиденное. Крылья до сих пор «хромали» и слегка болели, особенно при взмахе. Но Майр продолжил полёт. Упрямство и погубило его. Неподаляку от каменного плато на него обрушился шквал прибрежного ветра. Он подкидывал юношу в воздухе и отпустил только тогда, когда уставшие крылья полностью перестали шевелиться.

Майр приземлился в каком-то каменном городе с серыми стенами и мрачными улочками. На его падение тут же сбегались поглазеть любопытные жители с землистой кожей и морщинами возле глаз. А стража в латунных доспехах немедленно схватила юношу под руки и грозно оглядывала пришельца.

– По законам Города-Над-Обрывом, – громогласно начал говорить тот страж, что стоял в медном шлеме и с непонятным гербом на груди, – все попытки человека летать пресекаются. Нарушившего этот закон ждёт неминуемая гибель среди прибрежных скал.

С этими словами с Майра жёстко сорвали сломанные промокшие крылья и скомкали. Все любопытно поглядели на испугавшегося юношу и подумали, что сегодня или завтра его уже сбросят с вершины самой высокой точки над уровнем океана. Обычно так проходили в этих местах казни тех, кто хотел научиться летать.

Тем временем главный страж продолжил:

– Нам не должно нарушать законы, данные природой и стремиться в небо, раз уж рождены ходить. Поэтому завтра, во второй половине дня, ты лишишься жизни в пучине тёмной прибрежной воды. Мы бы и сегодня с тобой расправились, но к такому мероприятию следует подготовить горожан. Явно найдутся любители поглазеть с добрый десяток минут, как ещё один мечтатель разобьётся о скалы реальности.

С этими словами Майра отвели в круглую каменную комнату с проржавевшими решётками и заперли в одиночной камере. Безжизненные крылья демонстративно сожгли у него на глазах и оставили дожидаться собственной участи. Ночь наступила незаметно. Месяц глянул сквозь решётки и одурманил сонливостью. Но Майр сидел в переживаниях и корил себя за опрометчивость. Он плакал, вспоминал свою свободу, вспоминал полёты, как получил крылья и что натворил. Его терзала неминуемая участь того, что всё, что было, уже никогда не повторится, и он это знает, но не осознаёт. Майр хватался за голову, вскакивал, дёргал за прутья, поднимал металлический скрежет. Но темница оставалась спокойной к чужому горю. Проходило время, и силы покидали юношу. Месяц всё больше брал контроль над Маиром. И вот он уже спал.

Юноша брёл в густом тумане и искал украденные крылья. Он осторожно наступал, боясь их сломать, и постоянно шастал руками по земле, в надежде найти знакомые перья. Тут он услышал шаги сзади и стал искать крылья быстрее, боясь, что их могут найти раньше и сжечь. Майр рыскал чуть ли не носом по земле, однако когда его схватили за плечо, он так подпрыгнул, что чуть не упал без сознания. Воздух внезапно приобрёл противный земляной запах.

Позади стоял Аргентиум. Его рот не открывался, но голос звонкий и чёткий раздавался отовсюду:

– Не думал я, что всё-таки в беду попадёшь. Думать о себе, конечно, хорошо, но когда от твоего выбора зависит что-то очень серьёзное, то и процесс выбора должен быть серьёзнее, – порицал Аргентиум Крациус – ничуть не изменившийся старик, коим был несколько лет назад.

– Я не успел ничего сделать, – оправдывался Майр. – Солдаты тут же сняли с меня крылья и сожгли их.

– Не об этом я тебе толкую, – строго произнёс Аргентиум. – Ты знал, что крыльям уход был нужен, но предпочёл удовлетворить свои потребности и полетать. Ведь это и погубило и крылья, и тебя погубит. Именно так ты попал сюда.

– Ну, а что мне теперь делать? – раздосадованно и оттого обозлённо спросил Майр.

– Теперь уже ничего. Что сделал – то сделал, остаётся только плоды пожинать.

– Так вы мне не поможете? – огорчённо спросил Майр и тут же сам добавил: – Хотя, не надо. Я не хочу жить в мире, где люди ненавидят летать. Где люди готовы наказать за то, что ты пытаешься делать нечто больше них, лучше. Уж пусть я вознесусь на небо и буду там постоянно парящим духом, чем останусь жить здесь и продолжу ходить, зная, что летать больше нет возможности.

– Подумай об этом, – произнёс волшебник. – Ты поступил неправильно и осознал это. Теперь пойми, что страшно начать, а продолжить – пустяк, крылья в полёте растут...

Майр проснулся невыспавшимся. Он часто моргал и ждал, когда за ним явятся, чтобы провести к месту казни. Утром его не покормили, поэтому, когда за ним пришли в обед, Майр еле-еле передвигал ноги. Его поставили на хлипкий деревянный мосток, нависавший над обрывом. Внизу шумели волны, разевая пасть и готовые принять новую жертву. Чтобы посмотреть на зрелище, собралась целая толпа, весь город. Люди цинично оглядывали юношу, будто своря его с подлым вором или даже убийцей. Майр вспомнил строчку из старинного стихотворения: «Рождённые ползать с завистью смотрят ввысь...»

– Мы даём минуту на подготовку к прыжку, – прохрипел вчерашний страж. – Затем сталкиваем. По опыту знаю, что лучше сигать самому, чем когда тебя толкают. Первое ты делаешь сам и знаешь, на что идёшь, второе делается без твоего ведома, поэтому последние секунды для тебя будут проходить в страхе.

Страх. Майр улыбнулся, пытаясь понять, что для него страх. Уж точно не прыжок с высоты. Он летал так много раз, забирался на вершины и повыше этой, но ни разу не боялся сорваться, потому что знал, что всегда было на кого положиться. Это его крылья. Он всегда был уверен в них. А сейчас? Сейчас можно положиться только на себя. Только на себя.

– На себя, – прошептал Майр и окинул расплывчатым взглядом присутствующих. Ветер на мгновение стих, пропуская чёткие, как грани фигур, мысли. Светлые облака спрятали солнце.

– Прыгай, – сказал солдат за спиной. Однако Майр продолжал стоять, колеблющийся от собственной догадки. Он не хотел, чтобы его толкнули, но и не знал, точно ли уверен в своём предположении.

Нетерпеливый солдат сделал шаг на мостик, готовый пикой толкнуть юношу, как тот громко крикнул:

– Крылья растут в полёте!

И кинулся вниз. Люди, стоящие близко, просто не поняли смысла слов, а стоящие вдалеке и вовсе не поняли сказанного. Но стоило Майру только прыгнуть, как и те, и другие тут же взглянули с обрыва вниз. На их лицах внезапно презрение сменилось удивлением и даже вздохом. Они увидели, как, не долетев до скал, у юноши появились белоснежные пышные крылья.

В следующую секунду к горизонту с заходящим солнцем устремлялся вечно парящий Майр.

Марат Валеев

За ёлкой

В конце 50-х годов прошлого века мои родители почему-то сорвались с места – мы тогда только начали обживать в Казахстане, да, видать, не совсем удачно, – и уехали на Северный Урал, в Краснотурьинск.

Там жили наши родственники, причём папин двоюродный брат был женат на маминой старшей сестре. В двухэтажном каменном доме у них была просторная трёхкомнатная квартира, в которой они нас временно и приютили. Помню, что их там самих было четверо (родители и две дочери, мои двоюродные сёстры), да нас столько же – у меня был ещё и младший брат. Но жили, что называется, хоть и в тесноте, да не в обиде.

Приближался новый, 1959-й год. Не знаю, откуда я знал про новогоднюю ёлку – в своей деревенской школе на ней ещё не успел побывать, потому что только начал учиться в первом классе, а здесь, в Краснотурьинске, меня в школу почему-то не устроили, так что мне была уготована участь второгодника поневоле, – но вот знал, и всё тут. Скорее всего, из запавших в детскую мечтательную душу картинок букваря.

Побывать на ёлке в городской школе, в отличие от моих сестрёнок, мне не светило. Но, может, хотя бы дома наши общие родители поставят красавицу-ёлку и украсят её, как полагаются, всякими блестящими и разноцветными игрушками?

– Нет, – говорили мне взрослые. – Зачем? Не до ёлки нам. Да и никогда не ставили её.

Я не находил поддержки ни у своих папы и мамы, приходивших с работы усталыми и раздражёнными, ни у родителей кузин, тоже замороженных своими взрослыми делами. И я загрустил. Уж очень хотелось мне похороводиться вокруг разукрашенной ёлки со своими сестрёнками. А детская мечта, если кто помнит, она практически неотвязная.

Но где её взять, эту ёлку, коль взрослые совершенно равнодушно отнеслись к моей идее фикс и совершенно не горели желанием раздобыть лесную красавицу, а уж тем более взгромоздить её посредине квартиры.

И тут я додумался, где можно раздобыть ёлку, причём самому. Дом наших родственников стоял почти на самой набережной водохранилища, образованного плотиной на небольшой реке Турья. А на той стороне замёрзшей и заснеженной запруды, на расстоянии всего нескольких сот метров от нашего дома, на фоне белого снега чётко зеленели островерхие ели. Точно такие, как на картинке в букваре, только без украшений. Дело оставалось за малым. То есть за мной.

Пока сестрёнки были в школе, мне разрешали гулять во дворе самому, потому что дома всегда находился кто-то из взрослых (они работали в разные смены), вот он-то и приглядывал за мной. И я заранее нашёл в кладовке ножовку и припрятал её под обувной шкафчик. А в один из последних декабрьских дней, уходя на очередную прогулку по двору, я прихватил инструмент с собой. Тогда дома «дежурил» дядя Карим, и к своим обязанностям он относился спустя рукава, считая, что парень я достаточно взрослый и сам смогу позаботиться о себе.

День этот был довольно стылый – как-никак, Северный Урал, – и снег отчаянно скрипел под моими валенками, а мороз сразу принялся покусывать нос и щёки. Но это меня не пугало – я уже успел познакомиться с морозами в Казахстане, на Иртыше. И лишь поплотнее подвязал шарф, поглубже засунул руки в вязаные варежки, и, помахивая сверкающей на солнце ножовкой, бодро направился прямо к темнеющей за белым полотном замёрзшего водохранилища зубчатой кайме хвойного леса.

Это белое снежное полотнище под разными углами пересекали несколько протоптанных тропинок, и по ним передвигались редкие фигурки людей – кто-то шёл туда, к лесу, а кто-

то уже и обратно, и можно было разглядеть, что они несут на своих плечах ёлки. Это меня вдохновило – значит, мой план вполне осуществимый!

Я спустился с набережной и, выбрав одну из кратчайших, на мой взгляд, тропинок, пошёл на ту сторону водохранилища. Несмотря на морозный день, очень скоро мне стало даже жарко; весь заиндевелый от моего горячего дыхания шарф уже сполз с носа и болтался где-то на шее, ноги стали гудеть от усталости – в валенках, да ещё на размер больше, на дальние расстояния передвигаться не так-то просто.

Наконец, я пересёк водохранилище, поднялся, поскользываясь, на невысокий берег. Лес, с зеленеющими соснами и елями, был совсем рядом, метрах, может быть, в десяти-пятнадцати. Россыпь одиночных следов и узенькие колеи протоптанных в снегу тропинок указывали на то, что он очень активно посещается горожанами.

Вот прямо на меня вышел большой такой дяденька в телогрейке и шапке с опущенными ушами, в мохнатых унтах. Он валко шёл по тропинке мне навстречу, дымя свисающей из уголка рта папиросой. На плече у него лежала пушистая ёлка.

Проходя мимо, он хмыкнул, критически осматривая меня:

– Ты чё, пацан, сам, что ли, пришёл сюда?

– Сам! – независимо ответил я, стараясь не шмыгать предательски хлюпающим носом – простуду уже, похоже, подхватил.

– Ну-ну, – выплюнув окурок в снег, сурово сказал дяденька. – Смотри, не околеет тут. Сегодня почти тридцать мороза.

Он поправил ёлку на плече и потопал себе дальше. Но мне пока ещё не было холодно. И я уже наметил себе ёлочку – немного выше меня ростом, вся такая стройная и с кокетливыми снежными пуфиками на узеньких покатых плечах, она застенчиво выглядывала из-за голого светло-жёлтого ствола большой сосны, ветки на которой начинались очень высоко.

Я сошёл с тропинки и тут же по колено провалился в снег, испещрённый редкими следами чьих-то лап и лапок, звериных и птичьих. Идти было тяжело, но желанная ёлочка – вот она, совсем рядом, и я упрямо поплыл к ней по глубокому снегу.

Валенки у меня были хоть и высокие, но широкие в голенищах, и я чувствовал, что загребаю ими снег внутрь, и вот он уже начинает таять под вязаными носками, носки промокают, и подошвы мои начинают чувствовать холодную влагу. Но это ничего, главное, я уже дошёл до выбранной мной пушистой красавицы!

Увидев меня, с заснеженной ёлочной ветви вспорхнула красногрудая птица, я ещё подумал: вот бы хорошо было, если бы она осталась, какое это было бы замечательное украшение! Да, кстати, а чем же мы будем украшать мою ёлочку, когда я принесу её домой? Если мои родственники её никогда не ставили, значит, и ёлочных игрушек у них нет? Я как-то об этом не подумал... Ну да ладно, главное, поставить ёлку, а украсить чем, найдём! У моих двоюродных сестриц, я видел, полная коробка разноцветных фантиков, есть куклы, большие и маленькие, полно красивых бантов, так что разберёмся!

Но сначала надо спилить мою красавицу. Ёлочка утопала в снегу, и её нижние ветви почти лежали на белоснежном покрове. Чтобы подобраться к стволу деревца, мне пришлось руками выгрести из-под её хвойных лап снег и утоптать для себя рабочую площадку.

И вот я, наконец, встав на коленки под ёлкой (она сопротивлялась и норовила заехать своими колючими ветвями мне в лицо, залезть за шиворот), стал елозить стальными зубцами ножовки по чешуйчатому стволу. Но сил моих явно не хватало, чтобы сделать запил. И я тогда второй рукой ухватился за полотно ножовки, стал надавливать на неё, и дело пошло живее. Из-под зубцов инструмента стали сыпаться белые сырые опилки. Их становилось всё больше и больше, а ножовка вгрызалась в ствол всё глубже.

Я сопел, пыхтел, сморкался, елозил коленками по стылой земле, останавливался, чтобы хоть с полминуты отдохнуть, и снова принимался дёргать ножовку туда-сюда. И вот ёлка закачалась, закачалась, послышался лёгкий треск, и деревцо медленно свалилось на снег, оставив после себя маленький пенёк с заострённой щепочкой на месте слома. И я с удивлением подумал: до чего же ствол тоненький, а я пилил его так долго, как какой-нибудь лесоруб большое толстое дерево.

Я обошёл ёлочку вокруг и с удовлетворением отметил, что она целая, это потому, что упала в глубокий снег и ветви её спружинили, только немножко просыпала своих маленьких зелёных колючек.

Что ж, осталось в такой же сохранности донести её домой. Взять ёлку на плечи, как давешний дядька, и не помышлял – это мне по силам. Остаётся только волочить её за собой. Что я и сделал: обхватил крепко конец ствола двумя руками и поволок из леса по своим следам к утопанной тропинке, а по ней уже спустился на наснеженный лёд водохранилища и бодро потопал к виднеющемуся на той стороне, тогда ещё не многоэтажному, Краснотурьин-ску с сизыми дымками над крышами домов и толстыми дымными столбами из каких-то высоких труб.

Там было тепло, уютно, там, на кухне в квартире моих родственников, всегда на столе стоит чашка с тёплыми оладушками или блинами, чайник фырчит на газовой плите. Как мне захотелось в тепло! А всё потому, что ноги мои и руки в сырых валенках и варежках начали коченеть. Волочащуюся за мной с негромким шуршанием ёлку уже трудно было удержать, и она всё норовила вырваться из моих плохо гнущихся в промёрзших варежках пальцев. А противоположный берег приближался очень медленно. Наверное, потому, что я шёл всё время то задом, то боком, по-другому тащить ёлку никак не получалось.

Изредка идущие навстречу или обгоняющие люди (хождение через водохранилище было довольно активным) смотрели на меня с удивлением и сочувствием, кто-то даже предлагал свою помощь. Но я упрямо мотал головой, хотя по лицу уже начали скатываться злые слезинки отчаяния, и я продолжал волочить свою ёлку, изредка вскидывая голову и замечая, что городская набережная, хоть и медленно, но всё увеличивается в размерах, и я даже увидел свой жёлтый дом с балконами на втором этаже.

А когда я догадался размотать свой длинный шарф и привязать его одним концом к стволу ёлочки, а другой намотать на руку и тащить ёлочку, как собачку на поводке, дело пошло куда веселее. Но тут, когда у меня одна рука оказалась свободной, я обнаружил, что в ней чего-то не хватает. Ножовка! Я её оставил там, где спилил ёлку. Дядя Карим потом, конечно,

хватится своего инструмента, и выговор мне обеспечен. Но возвратиться обратно было бы свыше моих сил – набережная вот она, осталось преодолеть каких-то полета метров. А у меня уже зуб на зуб не попадал от холода. И я махнул рукой на эту пилу – потом, может, схожу за ней, если меня вообще будут выпускать из дома, – и поволок свой лесной трофей дальше, к медленно приближающейся набережной.

Когда стал взбираться наверх, поскользнулся и скатился вниз вместе с ёлкой и, кажется, обломал ей кое-какие ветки. Погоревал, но немного: деревцо ещё вполне имело товарный вид. И снова стал упрямо карабкаться вверх – я ведь был уже почти дома.

Втащить ёлку в город мне всё же помогли – какая-то тётенька, шедшая по своим делам вдоль набережной, увидела, как я карабкаюсь по откосу водохранилища, всплеснула руками, заохала, спустилась ко мне и, крепко взяв за руку в обледенелой варежке, потащила меня наверх.

Я не догадался даже сказать ей «спасибо», да и вряд ли смог бы произнести хоть слово – губы у меня закохенели и плохо подчинялись. Я лишь благодарно посмотрел в соболезнуюющее лицо своей спасительницы, и, устало переставляя валенки, поволок ёлку под арку, ведущую в наш двор.

Деревцо я оставил у подъезда – дверь была на пружине, и я сам не смог без повреждений втащить свою пушистую ношу к нашей лестничной площадке на втором этаже. Хотя она, бедная, и без того пострадала: нижние ветви, на которых ёлочка волочилась за мной на привязи, потеряла часть своих иголок.

Я постучал в дверь, но она вдруг подалась и сама открылась. Из глубины квартиры тут же вышел дядя Карим.

– Вот он, появился! – закричал дядя Карим. За ним в прихожую вышла и мама. Она держалась за сердце.

– Ты где был? – слабым голосом сказала мама.

В тепле квартиры мои закохеневшие губы тут же отошли и смогли вымолвить:

– За ёлкой ходил. Она там, на улице...

– За какой ещё ёлкой? – вытаращил глаза дядя Карим. – Куда ходил?

– В лес...

– В лес... – эхом повторила мама и тоже округлила глаза. – В какой лес?

– Вон туда, – махнул я рукой в сторону водохранилища, стуча зубами – хотя в квартире было очень тепло, но я продрог настолько, что меня по-прежнему колотил сильный озноб. – Дя...дядя Карим, за... занесите ёлку, а?

Дядя Карим что-то буркнул сердито, и как был – в тапочках, вышел за дверь. Через минуту он уже затащил в прихожую и прислонил в угол мою потрёпанную, немного осыпавшуюся, с двумя или тремя надломанными и безвольно повисшими ветками, но всё ещё красивую и стройную, ёлку. Иголки её тут же начали покрываться росинками от таявшего снега, будоражаще запахло хвоей.

– Как же ты мог сам уйти? – продолжала заламывать руки моя бедная мама. – Ты понимаешь, что ты мог замёрзнуть?

Отец обедал обычно на работе, да и сестрёнки из школы не пришли, так что более крупных разборок из-за самовольного похода за ёлкой мне, пожалуй, удастся избежать. А мама что... поворчит и перестанет, на то она и мама.

– Рая, я и не думал, что он куда-нибудь со двора уйдёт, – виновато сказал дядя Карим. – Ну, гуляет и гуляет, как всегда. А потом вижу, чего-то долго не возвращается. Я во двор, а его нигде нет... Я туда-сюда – нету. А он вон куда намылился! Додумался же, а? Ну, и что нам с ней делать, с этой твоей ёлкой?

– Поставить её в комнате и нарядить, – подсказал я дяде Кариму.

– Да подождите вы с ёлкой, надо же ребёнку раздеться сначала, он уже весь мокрый от снега, – запричитала мама, и тут же, усадив меня на табуретку, стала расстёгивать на мне пальтецо, стаскивать валенки...

Скоро я, выкупанный в тёплой воде с горчичным порошком и докрасна растёртый полотенцем, сидел на кухне и пил горячий чай с малиной. А дядя Карим хлопотал с ёлкой, устанавливая её в центре самой большой комнаты.

Он, конечно, хватился ножовки, когда взялся сооружать крестовину. И даже не упрекнул меня, когда узнал, что я потерял её в лесу («Ладно, ладно, племянш, хоть сам вернулся жив-здоров!»), а попросил инструмент у соседей.

Тут и девчонки из школы пришли. Сколько было радостного визга, когда они увидели ёлочку, расправившую все свои пушистые и не очень ветви (сломанные дядя Карим как-то подвязал) посреди гостиной! Они, даже не переодевшись, тут же бросились её украшать фантиками из своей коллекции, ватными «снежинками», разноцветными лентами бантов. А пришедшая к вечеру с работы тётя Ася вытащила припрятанные к Новому году шоколадные конфеты и позволила немалую часть их также развесить на ёлке.

И конечно же, в центре внимания в тот вечер была не только ёлка...

Лина Вара

Дедушка

Максим прислонился плечом к оконной раме и стал вглядываться в глубь двора. По пустынной, освещённой луной, улочке медленным шагом прогуливался высокий, слегка сутулившийся старик. Рядом с ним, тяжёлой походкой, едва волооча лапы, семенила маленькая собачка, породы- японский пекинес. Каждый вечер в одно и то же время эти двое выходили на прогулку. Макс смотрел на них и думал о своём. Он считал себя очень несчастным. Кроме мамы у него не было никого. Его сосед Гера – счастливчик! У него полный комплект родственников: мама, папа, старший брат, два дедушки, две бабушки и ещё прадедушка. Везёт же некоторым! Прадедушка всегда рассказывает Герке разные интересные истории из его прожитой жизни, а Герка потом рассказывает их всем ребятам. «Почему некоторым жизнь дарит всё, а некоторым ничего?» – так думал Максим, наблюдая за стариком.

Ещё пару кругов мужчина пройдёт по двору и скроется в темноте ночи. Сколько раз мальчик хотел подойти и заговорить с ним, но каждый раз робость останавливала его. По всему видно, что старик одинок и, наверняка, был бы рад знакомству с Максом. Может быть, они могли бы подружиться? Завтра Максим преодолеет свой страх и подойдёт к этому мужчине. Мальчик-он или нет, в конце концов?

Пришёл вечер следующего дня. Максим прислонился к окну и стал с нетерпением смотреть наружу. Весь вечер он провёл у окна, но мужчина с собачкой не появился. Прошло ещё несколько дней. Ничего не изменилось. Исчез куда-то старик. Загрустил Макс, и мысли печальные полезли в голову. «Надо бы узнать, куда он пропал? Может, что-то случилось и некому ему помочь?»

Вернувшись из школы, Макс решил разузнать у соседей из дома напротив. Возможно, они знают старика и подскажут, где его найти. Всё оказалось очень просто. Все знали его и подсказали адрес. Максим, на всякий случай, купил по дороге сладкую плюшку и отправился к деду.

На звонок в дверь отозвался старческий голос: «Открыто! Входите!» Набравшись храбрости, мальчик переступил порог и очутился в квартире деда. Пройдя в комнату, мальчик увидел старика, лежавшего на диване. Комната была большой, или такой она показалась Макс. Её занимал большой книжный шкаф сверху донизу забитый книгами, письменный стол, кожаное кресло и диван...

– Ну, что, молодой человек? Проходи, раз пришёл. Ты что-то хотел или зашёл проведать меня?

– Проведать... Я уже несколько дней не вижу вас с вашей собачкой и решил узнать. Может, вы в чём-нибудь нуждаетесь? Я могу вам помочь.

– Это очень любезно, молодой человек. Искренне рад. Меня зовут Леонтий Алексеевич, а тебя как зовут?

– Меня – Макс, то есть Максим. Я живу в доме напротив и могу навещать вас... А где ваша собачка?

Глаза старика заблестели, он сглотнул слюну и сказал глухим голосом: «Нет больше Тошки. Умер он. Оставил меня одного. Хорошо, что раньше меня... Кому бы он достался больной и старый?... А так, умру со спокойной душой».

– Нет, не говорите так, дедушка. Можно, я буду вас так называть?

– Конечно, можно. Я даже этому очень рад. Меня никто не называл дедушкой, и у меня никогда не было внуков...

– Дедушка, а почему вы один, где ваша семья?

– Так сложилась моя судьба, что семью я потерял в один день... Было это 22 июня 1941 года. Я работал журналистом и был в командировке вдали от дома. В это время началась война, мы жили в Белоруссии. Бомба, упавшая на наш дом, не оставила и следа от моей семьи. Моя жена и две дочурки погибли в первый же день войны. Возвращаться мне стало некуда. Я дал себе слово, что отдам все свои силы на защиту наших детей, жён и матерей. В мирное время я был хорошим спортсменом-стрелком. Решил закончить курсы снайперов и отправиться на фронт. Прошёл всю войну. Несколько раз был ранен, но дошёл до самого Берлина... Все друзья остались на поле боя. В память о самом близком друге приехал в Россию. Здесь и обосновался. Помогал матери друга до её смерти. Новую семью вновь создать не смог. Долгие годы Тошка был моей семьёй, а теперь...

– Дедушка, я буду вашей семьёй. У меня никогда не было дедушки и прадедушки, а я так мечтал о них!

От таких слов у деда на глазах навернулись слёзы. Чувство одиночества потихоньку стало проходить. Теперь он сможет видаться с маленьким человечком, разговаривать с ним и оставить ему все свои книги, которые были дороги сердцу. Книги, которые помогали ему жить и преодолевать все страдания, боль и одиночество.

Много интересного узнал Максим от Леонтия Алексеевича. Ни в каких книгах бы не удалось этого прочесть. Дед – живая легенда! Фотографии военных лет, такие жёлтые, с обломанными краями, но такие уникальные! Где ещё увидишь?! Теперь и у него есть дед, о котором он может рассказать своим одноклассникам и друзьям... Только бы он подольше пожил... Какой он хороший...

После первой встречи прошло немало времени. Мальчик привязался к деду, а дед – к нему. Леонтий Алексеевич стал настоящей семьёй для Макса и его матери... Мама была рада этой дружбе. Тоже стала помогать дедушке. Приготовит что-нибудь вкусненькое и несёт ему. Вещи его стирает и гладит, а Макс дом поддерживает в чистоте, в магазин ходит, в аптеку.

Тут и праздник на пороге – День победы. Мама Максима купила Леонтию Алексеевичу новую рубашку, большой букет цветов, торт и отправились его поздравлять. Пришли... а дверь закрыта. Никого. Испугались. Неужели, что случилось? Немолодой, ведь! Уже скоро девяносто лет! На шум вышла соседка. Сказала, что утром за ним приезжали из местной мэрии и отвезли на встречу ветеранов.

Вечером дед вернулся сияющий и счастливый. Как мало человеку нужно. Главное, чтобы помнили и не забывали, что такие, как он, боролись и умирали, чтобы сейчас молодым жилось лучше и светлее под мирным небом. Значит, не зря был пройден его путь, не зря были потери и страдания. И для Макса он, навсегда, останется его дедушкой, единственным и любимым.

Ольга Видяйкина

Сказки «на ходу»

Как стать волшебником? Можно придумывать сказки «на ходу». Идёшь, например, по своим делам, а сам выдумываешь какую-нибудь историю или сказку интересную. И будто глядишь на белый свет и замечаешь всякие чудеса – мимо проходят люди, часы идут, светофор мигает, цветы растут... Или сидишь в каком-то уютном местечке – закрываешь глаза... И вот ты уже в сказке, смотришь на происходящее со стороны... Здорово!

Потому что представлять с закрытыми глазами гораздо проще – размышляешь, а когда открываешь, начинаешь видеть тот мир, который себе представлял. Это тебе помогает, расслабляешься, и снова – мыслишь, представляешь и выдумываешь – погружаешься в свой внутренний мир! И никто не знает, что ты уже волшебник. Ведь ты просто идёшь или едешь, или тихонько сидишь... Вдруг появляются какие-нибудь весёлые зверушки или человечки – твои любимые персонажики. Открываешь глаза и понимаешь, что это тебе не показалось, сказка уже началась. Наверное, это кто-то другой, там, наверху – тоже думающий на ходу – начинает рассказывать её тебе... Иногда удивляешься, почему именно тебе? В этот момент чувствуешь одиночество и тоску – и боишься, что у тебя не хватит сил войти в сказку.

То кажется, что это ты рассказываешь её ему, а то – что он рассказывает её тебе... И каждый раз – это новая сказка.

Но знакомые волшебные образы... Ты творишь, а он только смотрит на тебя, извлекает слова из воздуха, и если они остаются на бумаге или в голове – ты словно держишь их в руке и сказка у тебя уже в кармане. Но скоро она кончается – встаёшь и идёшь дальше. Вот, именно так – придумывай и рассказывай. Одна мысль сменяет другую. Пиши и рассказывай... Всё одно и то же. Но это только в том случае, если ты соглашаешься понимать и принимать сказки.

Кристина Волчецкая

Снежные ангелы

Снег в тот день был каким-то удивительным и так замечательно сверкал на солнце, что у Павлика глаза защипало от его белизны. И воздух был сладким, вкусным даже, с лёгким морозцем, насквозь пронизанный солнечными лучами. Так он был хорош, что мальчику захотелось вдохнуть его посылней, полной грудью, но он тут же себя одёрнул и уткнул раскрасневшийся нос в тёплый пуховый шарф. Как только нос скрылся в мягком пушистом укрытии, сию секунду волшебное настроение, которое появилось при выходе на улицу, улетучилось. Мальчику даже показалось, что солнце стало светить не так ярко, когда он подумал о том, что вдыхать холодный воздух вредно для его слабого организма. Ну, уж что поделать, таким он уродился, по крайней мере так говорили окружающие его взрослые. Павлик давно привык, что ему были недоступны многие вещи, доступные обычным, здоровым детям, но часто сожалел об этом. Вот и теперь с тоской смотрел в след ребятам, бегущим к огромной насыпной куче из снега. А те уже через несколько минут взбирались на снежную гору, сопровождая свои действия громкими возгласами и смехом. Павлик знал, что такие игры ему были категорически запрещены. Нужно отметить, он вообще редко бывал на улице по причине состояния здоровья.

Бабушка тоже обратила внимание на шумную компанию и, махнув рукой в сторону ребятшек, проговорила: «Когда-то и я была такой маленькой... Помню, с Павликом гуляли, он тогда твоего возраста был... Что ты удивляешься? Брата моего, как и тебя, Павлом звали. Озорной он был очень и непоседливый. Помню, как мы с ним на снежных ангелов любили смотреть. Каждый раз, когда выпадал снег, мы спешили во двор. И каждый раз, лёжа в снегу, мы держались за руки и загадывали желания. И ты представляешь, Павлуша, желания наши непременно сбывались! Я сейчас уже и не вспомню, чего мы загадывали...» – бабушка задумалась, и лицо её становилось при этом то грустным, то радостным, а то одновременно радостно-грустным. Павлуша даже удивился, как же так может быть? Ведь если тебе грустно – ты грустишь, а если радостно – радуешься! Об этом он и спросил бабушку.

Бабушка как-то встрепелась, и даже показалось мальчику, что она слезу вытерла мягкой рукавицей, но улыбнулась при этом. Мальчик теперь совсем озадачился. А бабушка продолжила: «Так бывает, воспоминания они такие! И грустно тебе и радостно одновременно. И сам ты не понимаешь, какие чувства сильнее. Вот я Павлика-братика вспомнила, и так мне хорошо стало, так радостно! Представила, будто мы с ним по тропинке заснеженной бежим, в снег упали и барахтаемся. А потом вспомнила, что нет Павлуши уже много-много лет, и грустно стало...» Она снова улыбнулась, но сейчас улыбка вышла другая – грустная. Бабушка обняла внука и крепко прижала к себе.

А Павлик думал о снежных ангелах, про которых обмолвилась бабушка. Он даже себе представить их успел. Будто они большие-пребольшие, прозрачные и все светятся.

– Жаль, – проговорил он.

– О чём ты? О моём брате? Это было давно, ты его не видел никогда... – проговорила бабушка.

– И ещё, я никогда не видел и не увижу снежных ангелов! И желания не загадаю... – прошептал мальчик.

Бабушка не расслышала его слов. Они шли по заснеженной дорожке, и каждый думал о своём. Она думала о том, что именно сегодня врач сообщит результаты последних анализов внука, по которым можно будет судить о течении его болезни. А мальчик всё не мог забыть о снежных ангелах, они почему-то совсем не выходили из его головы.

Вдруг он повернулся к бабушке, и уже решил промолчать, но почему-то не промолчал, а сказал напрямую, смело глядя ей в глаза. И бабушка отчего-то не сделала вид, что не слышит, не отмахнулась, а серьёзно приготовилась слушать. (А ведь так часто случается с взрослыми, они вроде бы и слушают, а всё думают о чём-то своём, очень важном.)

– Покажи мне их! – громко и настойчиво проговорил Павлик.

– Кого?

– Ангелов! Ты сказала, вы их видели, когда снег шёл. Посмотри, сколько снега! Покажи мне их, бабушка! Я тоже хочу загадать желание!

Женщина растерянно взглянула на внука, а потом проговорила: «Хорошо!» Она одела ему капюшон и покрепче завязала шарф, потом надела капюшон себе и оглянулась вокруг, подыскивая подходящее место.

– Ну что, пойдём, будем делать снежных ангелов.

– Где? Правда, ты не шутишь?! – Павлика переполнили эмоции, и глаза его засверкали от восторга.

Через несколько минут бабушка и внук лежали в пушистых белых сугробах на окраине парка. Они держались за руки и смотрели в небо. Павлик успел подумать, какие красивые облака, и что он раньше никогда этого не замечал. А ещё он ждал, когда же появятся снежные ангелы, но они всё не появлялись. Держа внука за руку, бабушка проговорила: «Ну, давай загадывать желание, только, чур, вслух не говорить, а то не сбудется!».

Желания у них были разные, но связывало их одно: здоровье мальчика. Ребёнок хотел гулять и резвиться, как все дети, а бабушка мечтала о том, чтобы внук выздоровел.

Выбравшись из снега, Павлик так и не понял, где же снежные ангелы, но всё равно был очень рад! Он и не помнил, чтобы ему когда-то позволяли барахтаться в снегу, ведь с самого рождения был серьёзно болен. Отойдя поодаль, бабушка обернулась и сказала: «Посмотри, Павлуша, какие красивые у нас ангелы получились! Непременно желания должны исполниться!»

И действительно, на снегу остались силуэты – один большой с размахистыми крыльями, а второй маленький, с красивыми аккуратными крылышками.

Через год в том же парке мальчик гулял со своими новыми друзьями. Он больше не боялся снега и зимнего воздуха, так как был абсолютно здоров. По тропинке шла бабушка, Павлик ещё издали приметил её и теперь бежал навстречу.

За спиной был слышен весёлый смех и крики, это были мальчишки, вместе с которыми он строил снежную крепость. Подбегая, Павлик обнял бабушку, а та, улыбнулась и стряхнула снег с его заснеженной шапки.

– Бабушка, а как ты думаешь, а мне выздороветь, правда, помогли снежные ангелы? – робко спросил Павлик, когда они возвращались домой.

Бабушка улыбнулась, подумала и сказала: «Не знаю... Наверное, нам помогла вера... вера в чудо! Ну, и снежные ангелы, конечно!»

Голубь мира

Летним вечером во дворе многоэтажного дома, как всегда, было шумно. На детской площадке играли ребята разного возраста. Девочка лет пяти-шести катала коляску, её подружка-ровесница расставляла на скамейке детскую посуду, на больших железных качелях сидел мальчишка, а весёлая толпа ребятшек гоняла мяч по мягкому зелёному газону. В общем, в этот чудесный летний вечер все были при деле. Обычно такую картину дополняли бабушки и дедушки, сидящие на лавочке и с любопытством наблюдающие за всем вокруг, но сегодня их не было. И всё было как обычно, пока во двор не пришли дети из соседнего двора. Вот тут идиллия закончилась, и ребята стали выяснять, кому можно играть на этой территории, а кому нет.

Ещё немного, и перепалка непременно привела бы к крупной ссоре, а то и к драке. Но в этот момент маленькая девочка, катающая по асфальту коляску с куклой, громко закричала. Чёрный пёс, увязавшийся за соседскими ребятами, кинулся на голубя и поранил ему крыло. Голубь отбивался, как мог, но силы были неравные. Мальчишки тут же перестали ссориться и побежали к покалеченной птице и преследующей её собаке. Оказалось, что хозяина пса среди детей нет, и опасен ли он, никто не знает. Глядя на раненую птицу, девочка плакала и кричала так громко, что вскоре на балконах дома появились любопытные, а некоторые поспешили во двор. Собака не хотела отпускать испуганного голубя и продолжала гонять его по траве, а тот, загнанный, пытался улететь, но покалеченное крыло не позволяло этого.

Вообще, птичка эта была местной достопримечательностью, так как имела определённые особенности: белые крылья и большое пятно на голове – белую шапочку.

Собака непременно погубила бы голубя, но, испуганная возгласами подбежавших детей, всё же отступила и ретировалась со двора. Голубь продолжал лежать на земле. Обступившие со всех сторон люди смотрели на раненую птицу, а пожилой мужчина снял с головы панаму и аккуратно положил в неё изувеченное животное.

– Ну что, пошли лечиться... – тихо прошептал он и направился к своему подъезду.

Мальчишки, позабыв про недавнюю ссору, громко обсуждали произошедшее только что событие. Никто и не думал спорить и прогонять соседских ребят.

Уходя, «неместные» обещали непременно прийти проведать раненую птицу. За две недели голубь окреп, и мужчина решил, что пора его выпустить на волю, и при этом сказал: «Крыло зажило, летать может! Отпускаю вашего голубя мира!»

– А почему голубь мира? – со всех сторон загалдели ребята.

– Как почему?! Ну, если честно, причин много... После второй мировой войны Пабло Пикассо – художник такой великий, эмблему даже нарисовал: голубя с веточкой оливы. А на самом деле, ещё в Библейских рассказах эту птицу так называли. Голубь, он ведь в разных странах и у разных народов по-своему уважаем...

– Расскажите, расскажите... – слышались робкие детские голоса.

– Про Великий потоп слышали? Так вот, голубь ветвь оливкового дерева Ноем доставил, чтобы тот узнал, что суша на земле есть. Благою весть, значит, принёс! Ещё в древности его считали символом плодородия, а раз все сыты, то и война ни к чему. Значит – птица мир несёт! И в Древнем Риме голубь считался символом мира. По легенде, голуби гнездо в перевёрнутом шлеме бога войны

Марса свили, а тот картине этой так умилился, что не стал их беспокоить, и от очередного кровопролития отказался! А сколько посланий и писем голуби доставили! Про голубиную почту-то слышали?

Между тем голубь в белой шапочке важно разгуливал по асфальту, будто понимая, что речь идёт именно о нём.

– Ах, какая же гадкая эта собака! Такую важную птичку покусала! – проговорила маленькая девочка. – Вот собака, она же совсем неважная! Разве можно ей птичек обижать!

– И собака важная! У матушки-природы не важных – нет! Даже самый маленький комарик, и тот важен! А про собаку столько легенд сложено! Вот кто самый верный друг человека? А я скажу – собака! А покусала оттого, что природой в неё инстинкт охотничий заложен. Только это уже другая история...

Голубь важно прошёл по дорожке, ведущей на детскую площадку, затем резко взмахнул крыльями и взлетел высоко в небо. Дети махали ему руками и кричали, чтобы он возвращался.

А маленькая девочка, задумавшись, добавила: «А я знаю, почему наш голубь тоже голубь мира. Потому что он мальчишек помирил, если бы на него собака тогда не напала, наверняка подрались бы, а теперь в футбол каждый день вместе играют».

И все дружно рассмеялись в подтверждение сказанного.

Майя Галицкая

Возвращение

Тётке Стасе опять не спалось. Это повторялось уже которую ночь подряд. С вечера она, намаявшись за день, вроде бы быстро и крепко засыпала, а потом, через пару часов, резко просыпалась от того, что ей не хватало воздуха. Она подолгу лежала неподвижно, с закрытыми глазами, пытаясь унять расхажившее сердце.

– Ну, чегой-то с тобой опять-то? – мысленно спрашивала она у своего «двигателя». – Устало, бедненько, устало. Ну, погоди-то, не части так. Тихенько, тихенько... Нема ж войны уже, не бейся, не бейся... Полтора года, как нема...

Когда бешеный пульс понемногу успокаивался, тётка Стася открывала глаза. Первое, что видела она напротив дощатого настила, служившего ей кроватью, было желтоватое в ночном мраке пятно лица Николая Угодника. Икона была единственной вещью, которую Стася успела выхватить из уже полыхающей хаты под гогот подвыпивших немцев. Наскоро отступая, они, окружив деревню, уже не стогнали в сарай стариков и баб с малолетними детьми. Спешно прошерстив хлевушки и вспоров последние оставшиеся в живых подушки с матрасами, фашисты подожгли деревню с четырёх сторон и, для пущего страха разрядив несколько обойм под ноги обезумевших от горя воющих баб, пошли дальше, зажимая под мышками трепыхающихся тощих кур.

Бабы, голоса навзрыд, кинулись было тушить крайние хаты, но осень сорок четвёртого года была на диво сухой и тёплой, да и порывистый ветер быстро закончил дело, начатое фашистами. В этом пожаре уцелела и старая кошка тётки Стаси – угольно чёрная, без единой белой шерстинки Васеня. Васеню ещё до войны котёнком принёс младший сын Стаси, пятнадцатилетний Алёшка. Прибежал с улицы и дрожащими руками ткнул что-то матери в подол.

– Мамк, давай возьмём кошёнка, а? Я на поле нашёл. По-глядь, какой маленький, сосун ещё, видать. Помрёт же ж.

Тётка Стася подхватила из рук сына чёрненький, еле тёплый комочек. Котёнок открывал розовый беззубый ротик, но звук не шёл.

– Ай-яй, горечко ж мелкое! Так он не видит же ж, глазки больные, – закудаhtала тётка. – Поди-тка, вон там за забором ромашки растут. Нарви жмени две. Только рви те, у которых сердечник вверх торчит, то лечебные будут.

Алёшка мигом принёс большую пригоршню цветков. Мать заварила их крутым кипятком и, когда взвар остыл, намочила мягкую тряпочку и долго отмачивала мордочку котёнка. Через несколько дней отпоенный парным молоком и вымытый ромашковым отваром котёнок ожил. По традиции его называли Васькой – как и три десятка других деревенских котов. Васька своё имя запомнил очень быстро, но за хозяина признавал только своего спасителя, Алёшку. Он никогда не тёрся об ноги ни самой тётки Стаси, ни отца, ни Алёшкиного старшего брата Петра. В руки он тоже не давался и сердито рычал, когда кто-то хотел его приласкать.

Была у кота странная привычка: как только Алёшка усаживался, Васька подходил к нему, становился на задние лапы и так, вытянувшись в струну, клал голову на колено хозяина. Стоять в таком положении, практически не шевелясь, он мог очень долго. Ровно через год Васька благополучно принёс троих таких же чёрных, как и сам, котят. Соседки долго подтрунивали над Стасей, мол, как же ты не разглядела котятче «хозяйство»? Васька, успевший привыкнуть к своему имени, ни на каких Мурок и Катеков не реагировал и так и остался Васькой, правда, в немного изменённом виде – Васеней. За несколько часов до пожара Васеня исчезла. Выскольз-

нула из хаты и как будто растворилась в воздухе. Как только фашисты вышли из объётой пламенем деревни, кошка тут же появилась вновь.

За всю войну и год с лишним, прошедшим после, кошка ни разу не окотилась, а в последнее лето, видимо, от постоянного испуга и недоедания начала чахнуть. Почти всегда она лежала, свернувшись клубком, и широко открытыми глазами следила, как тётка Стася управлялась, наскоро швыркала самодельным веником по земляному полу и уходила работать в поле. Нетронутой огнём того пожара в их деревне осталась одна единственная кургузая хата бабы Матрёны, по-уличному – Матруси, о которой по деревне ходили недобрые слухи. Поговаривали, что она мало того, что ведьма – гадает на картах, так ещё и раненого молодого немчонка выхаживала – притащила на себе из соседнего леса после того, как закончился скорый бой поредевшего немецкого батальона с засевшими в лесу партизанами. Когда бабы прознали, что Матруся просит молока от единственной на три окрестные деревни коровы вовсе не для советского солдата, чуть не устроили самосуд. Собравшись возле Матрусиной хаты, они колоутили кулаками в хлипкие стены и требовали отдать им немчонка-вражину. Матруся, приоткрыв дверь, сначала пыталась донести до баб, что раненый немчонок совсем молодой, дитё. А потом, поняв, что соседки настроены серьёзно, распахнула дверь настежь, отошла и, уперев руки в худую поясницу, медленно проговорила:

– Ну, давайте, заходите. Давите его. Только помните, что и ваши дети у какой-нибудь немецкой бабы вот так же могут лежать.

Неожиданно обернувшись на моментально притихших баб и оглядев всю толпу, Матруся ткнула чёрным заскорузлым пальцем в тётку Стасю:

– Ты, Стася, давно похоронную получила на старшего? А мужик твой где? Погодь-ка, приползёшь ко мне ещё. И ты, Верка, – она перевела взгляд на другую женщину, – не будешь знать, куда кидаться, когда безногого привезут твоего.

Матруся закрыла хату. В гробовой тишине тонким голосом выла Стася, скомкав грязный передник и засунув его в рот. Бабы, не проронив больше ни слова, разбрелись по своим землянкам и наскоро слеplенным буданам. Тётка Стася встала, зажгла керосинку. В изножье кровати заворочалась Васенья, протяжно мяукнула. Стася попила воды из гнутой алюминиевой кружки и села на лавку, под закопчённого Николая Угодника. Минуту подумав, она вытащила из-за иконы скрученные в трубочку грязно-серые бумажки, развернула и поднесла поближе к трепыхающемуся тоненькому огоньку. «Уважаемая Анастасия Павловна! С великим прискорбием сообщаем Вам, что Ваш муж... Игнатий Васильевич пал смертью храбрых в бою под...» Дальше тётка Стася прочитать не могла – чернильные строчки расплылись под каплями её слёз ещё тогда, в сорок третьем. Дрожащими руками она разгладила похоронку, прижала к щеке, закрыла глаза. Посидев так немного, взяла другую бумажку – текст был точно таким же за исключением имени: в строчке «Имя и имя по отцу» стояло «Пётр Игнatieвич». Третий тоненький листочек был совсем свежим. В нём значилось, что «...сын Алексей Игнatieвич пропал без вести в 1945 году в бою за Берлин». Алёшку призвали, как только ему стукнуло восемнадцать, и вот...

По впалым щекам тётки Стаси потекли слёзы. Алёшка, Алёшенька, младшенький... Знать бы хоть, где твоя могилка, где твои косточки нашли последний дом...

– Надо идти! – вдруг подумала тётка Стася. – Пусть скажет хоть что-то. Тётка Стася встала, плеснула в лицо холодной воды прямо из ведра, скребанула беззубым гребнем по голове, затопталась по хате. Нагнувшись под трёхногий стол, вытащила корзинку с десятком яиц, положила туда же тонюсенький кусочек грязно-серого сала, завернутый в тряпицу. Шикнув на кошку, она, крадучись, на цыпочках, вышла из избы и, пригибаясь, быстрым шагом направилась на край деревни.

– Кто? – спросил сонный голос из-за щелястой двери, утыканной пучками мха.

– Я это, Стася Игнатиха, не бойся. Открой.

– Шас, погоду трохи.

Матруся приоткрыла дверь и, убедившись, что это действительно соседка, пропустила её в избу.

– Чего тебе среди ночи? Помираешь, что ль?

Тётка Стася, поставив на лавку корзинку, неуклюже бухнулась Матрусе в ноги, обхватила их руками и запричитала сквозь слёзы:

– Не прогоняй, миленькая! Помоги, сил больше нет терпеть-то. Кинь карты на Алёшку моего. Мож, жив ещё. Не написано же ж, что мёртвый, пропал без вести.

Матруся невесело усмехнулась.

– Говорила же ж, придёшь ещё ко мне. Так вышло, по-моему, а? Я ещё тогда видела, что ты придёшь. И сейчас знаю, чего ты тут. Только ты сама мне скажешь... Да ладно, вставай, Стася, негоже прошлое поминать, грех это. Вставай, да садись вот на лавку.

Матруся подожгла лучину, убрала длинные волосы под замызганную косынку и принесла стопку толстых карт, затасканных и засаленных до такой степени, что они больше напоминали ломти сала, чем куски картона. Смахнув со стола крошки, Матруся стала шлёпать на него карты, пристально всматриваясь в них, то качая головой, то цокая языком.

– Пропал без вести, говоришь?

– Так же ж, пропал. Написано. В бою за Берлин.

– Не знаю, Стася, что такое. Карты мои ни разу не ввали, но...

– Как есть, так и скажи. Умаялась я от неизвестности-то. Хоть буду знать, как-то с ним всё.

– Вижу, что есть он на этом свете, но как будто лица у него нет. Одни глаза живые, а лицо как будто расплзлось всё. Стало быть, живой твой сын. Жди, Стася, вернётся он скоро.

Тётка Стася последних слов уже не слышала, так как сползла без сознания аккуратно под лавку. Матруся плёхнула ей в лицо воды, и Стася, хватая ртом воздух, снова уткнулась лицом в колени Матруси, как заведённая, повторяя на одной ноте:

– Спасибо, миленькая! Спасибо, Господи!

– Да ладно, нема за что. Иди, Стася, а то как бы бабы не прознали, что ты ночью была тут. Ещё спалят будан твой. И кошёлку заberi. Как будешь идти, так оставь её у Верки Семёнихи на крыльце. Дети малые там, да мужик как полмужика, безногий, ей нужнее.

С той самой ночи тётку Стасю как будто подменили. В поле она работала за двоих, даже просилась на подмену, когда какая-нибудь из баб не могла выйти на работу. Когда второй послевоенный урожай был убран и началась зима, тётка Стася без устали расчищала снег возле крылечка, моталась в лесок за хворостом, утепляла хатку, наспех сколоченную из того, что можно было найти на пепелищах и под ногами. Она притащила откуда-то оконную раму с почти целым стеклом, и теперь днём на небольшом окошке частенько восседала чёрная Васенья. Два раза в месяц в деревню приезжал на лошади «магазинщик» – бородатый мужик на деревянной ноге – и привозил сахарин, керосин, бесформенные юбки из крашеной самотканой материи, куски серой бумаги и другие бабские мелочи типа шпилек, ручек для ухватов, дубовые кругляши для подставок под чугуны... Неизвестно каким образом торговавшись с «магазинщиком», тётка Стася выторговала себе цветастый платок, и – о чудо! – кругленькое надтреснутое зеркальце, которое надёжно упрятала в безразмерный обгорелый с одной стороны сундук.

Ближе к весне тётка Стася даже умудрилась приобрести себе мелкую однорогую козу Майку, для которой носила из леса берёзовые и еловые веники из тонюсеньких веточек. Рядом с домом она расковыряла небольшую грядку, обтыкав её разновеликими кривыми сучьями. Кошка Васенья как будто тоже сошла с ума вместе со своей хозяйкой. В один из одинаковых в ожиданиях дней она куда-то исчезла. Тётка Стася думала, что животное окончательно зачахла и подалась в лес умирать. Но Васенья вернулась через пару недель, и дальше всё было как

обычно. Ровно через два месяца кошка притащила тётке Стасе в кровать только что родившегося чёрного котёнка, положила хозяйке на грудь и села рядом.

– Вот те и раз! Сдурела на старости-то? – протянула тётка Стася, но котёнка вместе с мамашей поместила в дырявый картофельный кош. Более того, бабы-соседки стали замечать, что тётка Стася, скорее всего, повредила от горя в уме: ковыряется-ковыряется в поле или возле хатки, потом выпрямится, смотрит куда-то вдаль и улыбается сама себе, а потом ещё и скажет что-то тихонько... Позовёшь её – как будто вздрогнет и – опять вроде бы нормальная.

Другие тётки из бригады начали подтрунивать над Стасей:

– Послушай-ка, говорят, что к тебе мужик какой-то сватался, ай нет?

– Да ну вас, пустозвонки, какой мужик мне! Мне уже и помирать скоро. Да и не нужен мне никто. Игнатушку вот война забрала...

Губы тётки Стаси дрожали, лицо кривилось, и она долгодолго не поднимала голову, стараясь налегать на лопату или мотыгу ещё сильнее. Сама себе тётка Стася думала, что если Алёшенька вернётся, то обязательно на большой праздник. Иначе и быть не может. Поэтому и к Пасхе готовилась особенно тщательно: побелила глиняную печурку и потолок, натаскала глины из овражка и вымостила земляной пол. Но проходил праздник за праздником, а сына всё не было. В душе она уже нередко начинала клясть Матрусю, обнадёжившую её. Но как только сталкивались с ней возле родничка или у «магазинщика», Матруся многозначительно кивала ей головой, и Стася снова на некоторое время притихала и улыбалась сама себе.

В самый сенокос ей вдруг стало плохо. Может, от жары, а может, силы покинули напереживавшуюся на две жизни вперёд женщину. Тётка Стася отползла под куст, прилегла на мягкую шёлковую траву и закрыла лицо руками. Вроде бы стало немного легче.

– Баб Настя, а баб Настя! – звал её пацанёнок Верки Се-мёнихи. – Ба-а-ба На-а-стя!

– Чего тебе? Чего-то орёшь, как поджаренный! – подхватила тётка Стася.

– Там тебя какой-то мужик ищет! Страшный – жуть! С обпаленной мордой, такой. И руки одной нет. Мычит чегой-то, только глазищи зыркают.

– Шла б ты домой, теть Стася, – посоветовал бригадир. – Мало ли что, время тяжкое, ходят всякие – недобитки немчурские. – Он недобрым взглядом окинул Матрусю, махавшую косой неподалёку: – Ещё оберёт хату, последнее унесёт.

Тётка Стася медленно побрела домой. Как назло, разболелась голова, бухало в глаза красными молниями. Подходя к своей избёнке, она дёрнулась и замерла на месте. На косеньком невысоком крыльчке топтался незнакомый седой мужик и, воровато оглядываясь, пытался одной рукой открыть фанерную дверь. Дверь не поддавалась, и он сосступил с крыльца и, сильно прихрамывая, пошёл под окно, заботливо остеклённое тёткой Стасей. Тётки Стасины ноги ослабли, и она едва не рухнула ничком в дорожную пыль. Пересилив себя и облизнув враз пересохшие губы, тётка Стася двинулась к хате. Незнакомец скрылся за хаткой, и тётка Стася, подняв щербатый серп и занеся его над головой, начала заходить с другой стороны. Она успела услышать, как завывала в хате Васенья и, видимо, чувствуя опасность, билась изнутри в запертую дверь.

Сделав шаг за угол, она столкнулась с мужиком и остолбенела от испуга. Лицо его было обожжено до костей и зажило уродливыми рубцами. Волосы на голове росли пучками и были абсолютно седые. Как и говорил Веркин пацанёнок, у мужика не было одной руки от самого локтя, в другой он сжимал какую-то тряпку. Однако глаза его остались целыми и в упор смотрели на тётку Стасю. Тётка Стася глухо охнула, схватила за сердце и осела на землю. Когда она очнулась, был уже вечер. Она осмотрелась. Хата её была цела, дверь заперта, а страшного мужика поблизости уже не было. Надрывно верещала кошка, запертая в хате. Тётка Стася приподнялась на руке и снова замерла: седой человек сидел поодаль на старой колоде, на которой она рубила хворостины. Она подумала, что успеет заскочить в дом и запереть его изнутри, прежде чем он, хромой, сможет её догнать. Собрав все силы, она подскочила, опрометью бро-

силась на крыльцо, отперла слабую дверь и вбежала в дом. Кошка пулей выскочила во двор и метнулась прочь. Тётка Стася заперла дверь на крючок и устало осунулась на лавку. Черпая кружкой воду из ведра, краем глаза она увидела, что рядом с сидящим на колоде страшным мужиком, встав на задние лапы, вытянувшись в струну и положив голову ему на колено, стояла чёрная Васенья.

Светлана Дотц

Друг детства

Петька – друг моего детства. Мы жили в соседних двухэтажках и учились в одном классе. Все десять лет. Много всяких событий было в нашей общей школьной жизни. Приятных и не очень, и даже совсем неприятных. Но теперь, встречаясь пару раз в году, мы вспоминаем обо всём с одинаковым чувством любви и лёгкого сожаления.

Единственное происшествие, из-за которого Петька сохранил на меня зуб, случилось в далёком и незабываемом третьем классе.

В тот день наша учительница Людмила Фёдоровна вывела у него в дневнике красную жирную «пару». Случилось это на уроке русского языка. Людмила Фёдоровна все три года начальной школы была для нас тем самым ежом-наставником с огромными рукавицами, которые никогда не позволяли расслабляться.

Начертав в Петькином дневнике самую красивую двойку в мире, учительница сказала:

– Завтра родителей в школу.

Петька согласно кивнул и, забрав дневник, пошёл к своей парте.

Людмила Фёдоровна проводила его взглядом, немного подумала, а потом быстро написала что-то на листочке бумаги.

Теперь её взгляд остановился на мне:

– Света, отнесёшь записку Петиним родителям.

Конечно, кому же ещё можно было поручить такое ответственное дело, как не мне? На Петьку надежды было мало. Вернее, совсем не было. А я? Отличница, староста, соседка! Добросовестная «до последней капли крови». Так говорил Петька.

После уроков мой сосед помахал мне кулаком и быстренько исчез. Я спрятала записку в свой дневник и тоже пошла домой. Там, не раздеваясь и даже не перекусив, оставила портфель и торжественно отправилась к соседнему дому с запиской в руке.

Петька тем временем принял все необходимые меры, чтобы как-нибудь избежать грозящего наказания, то есть, спрятал в стиральной машине свой дневник и дяди Федина ремень. Дядя Федя, Петькин отец, был очень строгим.

Я подошла к двери и собралась постучать. Но Петька появился на пороге раньше, чем я успела это сделать, и зашипел:

– Чё пришла? Иди отсюда.

Он тихонько выталкивал меня из подъезда, приговаривая:

– Иди, иди домой.

Но как же я могла уйти? Ведь мне дали поручение. Поэтому я молча сопротивлялась.

В конце концов дядя Федя услышал нашу возню.

– Кто пришёл? – спросил он из комнаты.

– Никто, – сказал Петька. – Кошка просится.

– Мяу! – сказала я как можно противнее. – Мья-ууу.

Дядя Федя с очень удивлённым лицом появился в дверном проёме.

– Кошка? Света?

– Здравствуйте, – я протянула ему записку и с чувством исполненного долга степенно зашагала прочь.

– Так, – послышалось за спиной, и дверь Петькиной квартиры закрылась.

Конечно, ему попало. Конечно, много дней мы не разговаривали. Конечно, я была «предателем» и «ябедой». Но именно это событие мы с Петром Фёдоровичем обязательно и с большим удовольствием вспоминаем при каждой нашей встрече.

И смеёмся.

Татьяна Жихарева

Чита

Воспоминания о Чите, любимой плюшевой собаке, приносили смешанные чувства: любовь, привязанность, боль и обиду. А началась история дружбы маленькой девочки и Читы так...

Сколько лет на тот момент мне было, я уже и не скажу точно, скорее всего три-четыре года. Мы были в гостях у родственников. Тётя Маня, чтобы меня занять, дала какие-то игрушки. Я все пересмотрела и взяла в руки старую плюшевую собаку рыжего цвета с серым (когда-то белым) треугольником на лбу и таким же животиком. Лапы были, можно сказать, бесформенными: овальные подушечки, пришитые по бокам и внизу, кусочек плюша сзади – хвост, чёрные пластмассовые глазки и нос, а уши... О, это были уши спаниеля (но тогда в породах собак я не разбиралась)! Большие висячие уши! Этими ушками можно было закрыть глаза игрушке, свернуть трубочками и сделать из собаки зайца, а если подвернуть – это уже медведь. Такая себе собака-трансформер.

– Тётя Маня, как зовут собачку? – спросила я.

– Эту? Это... Это Чита, – назвала кличку, которая, скорее всего, пришла ей на ум.

– Но Чита – это же обезьяна.

– А она и так уже почти обезьяна! – засмеялась тётя Маня. – Старая и страшная.

– Она не страшная. Она красивая.

Больше меня забавлять не пришлось. Обо мне забыли, и я забыла обо всех, так как моё внимание было приковано только к плюшевой собачке.

Когда нужно было прощаться с хозяевами, я долго вы-целовывала Читу. Тётя Маня засмеялась и сказала:

– Да забирай её себе.

– Спасибо! – и я радостно прижала игрушку.

– Мама, но это же моя собака, – обиженно сказал сын тёти Мани, а мой двоюродный брат, на то время уже подросток.

– Ванька, как тебе не стыдно? – удивлённо сказала тётя Маня. – Ты уже парубок! Зачем тебе игрушки?

Мой отец тут же хотел забрать у меня плюшевую собаку, аргументируя, что у нас дома их и так полно, но я подняла такой крик со слезами, что меня с Читой оставили в покое, и родители пообещали в следующий раз привезти игрушку и вернуть Ване.

Я умоляюще смотрела на тётю и брата, чтобы этого следующего раза не случилось.

– Да не надо её привозить! – замахала руками тётя Маня, а Ваня вышел из комнаты, чтобы скрыть слёзы.

Хотя тогда я была совсем маленькой, но до сих пор помню взгляд и глаза брата, полные слёз, обиды и бессилия: ведь стыд, что он взрослый, не дал ему тогда отстоять любимую игрушку.

Читу так и не вернули Ване. Я с ней просто не расставалась. Она сидела со мной за столом, в песочнице и ходила в магазин и в гости. Родителям, видно, было неловко перед знакомыми, что у дочери такая «зачуханная» любимая игрушка. Они покупали зайцев, мишек, собачек... Те получали свои клички, но так и оставались просто игрушками. Читу время от времени зашивали и стирали. Она немного светлела, но так и оставалась той же старой, но любимой Читой.

Для неё я варила невидимые каши и кормила из ложечки, завязывала на уши банты, одевала свои платья. И, конечно же, ложилась с ней спать. Раньше я не могла уснуть без любимой синей маленькой подушки в розах, которую мама сама вышила крестиком. Теперь же на этой подушке обязательно должна была спать и Чита.

Однажды я проснулась и не обняла свою плюшевую собаку. Её просто не было.

– Где моя Чита? – со слезами прибежала к родителям.

– Не знаю, – ответила мама, – куда ты её дела.

Я вернулась и перерыла всю постель, заглянула под кровать, но игрушки нигде не было. Теперь каждое утро начиналось с поисков Читы, но вечером я опять ложилась спать одна. Никакая из новых игрушек не занимала место на синей подушке.

Прошёл где-то месяц, но поиски не прекращались. Отец уже не выдержал и обратился к матери:

– Может, ты уже скажешь ей, что не стоит искать Читу...

– Где она? – я почувствовала что-то неладное.

Мама замаялась, но так и не ответила.

– Твоя Чита сгорела в печке, – сказал отец и вышел из комнаты, так как мой неожиданный крик и слёзы уже было не остановить.

Я долго «не дружила» с родителями, решившими избавиться от игрушки, из-за которой они чувствовали неловкость перед другими взрослыми. Меня ещё не один год не покидали чувства боли и обиды, наверное, такие же, как и моего брата Ванечку.

Ежи Ким

Кто украл крольчат

Старик заглянул в детскую – мама как раз укладывала сынишку в постель. Она укрыла мальчика одеялом, обернулась к деду и кивнула, мол, заходи. Старик вошёл, стараясь громко не стучать своей палкой. Примостил её у изголовья кровати, сел и потрогал мальчику лоб. Бедняга хворал уже две недели подряд: первые дни он метался в бреду, но теперь, к счастью, шёл на поправку. И родители, наконец, позволили старику навещать его перед сном и рассказывать забавные сказки, о чём мальчик неустанно просил.

Горячки не было, и дед одобрительно хмыкнул. Мама чуть помедлила, любуясь стариковской заботой, и вышла из комнаты – даже не скрипнула дверь.

– Деда, какую сказку ты сегодня расскажешь?

– Хочешь, про Братца Кролика расскажу?

– Конечно! А две сказки можно?

– Можно и две. Твоя мама сказала, тебе вроде получше сегодня. Только ты тихонько лежи и слушай внимательно. А будешь вертеться, то и сказки не выйдет – буду на тебя всё время ворчать.

Мальчик натянул одеяло до самого подбородка и выжидающе глянул на старика.

Песенка для маленьких крольчат

– Как не берёт Братец Кролик своих деток, а случилась беда, – начал старик. – Пришёл в голодную пору Братец Койот и украл всех крольчат.

– А откуда Братец Койот взялся? – спросил мальчик.

– Прибежал с пересохших равнин. В тот самый год, когда земля растрескалась, словно перепечённая хлебная лепёшка, а листья пожухли и осыпались на сухую траву. Собрались тогда Братец Кролик и Матушка Крольчиха в город на заработки. Детки у них были славные, послушные, но Братец Кролик всё же строго-настрого им наказал дома сидеть и носа на улицу не показывать.

– Держите ушки на макушке, ребятки! Как воротимся с мамкой, как будем стоять у дверей, я вам гладко спою эту песенку мою:

«Ай-ли-ли, ай-ли-ли!

Папка с мамкой пришли.

Эй, ребятки, выбегайте!

Папку, мамку обнимайте!»

Так спел Братец Кролик, подмигнул своим деткам и сказал напоследок:

– И помните, если голос хриплый, если голос сиплый, дверь не открывайте, в дом не пускайте!

А Братец Лис сидел под окном и подслушал ту песенку.

Лишь родители – за порог, детки давай в догонялки играть.

Вдруг – блим-блим! – стучится кто-то.

Крольчата вмиг по лавкам расселись и молчок, как будто нет их дома. Тогда Лис (кто ж ещё, как не он?) снова: блим-блим!

Старший из крольчат, тот, что посмелей, ухо к двери и пищит:

– Кто там?

Остальные сидят, песенку ждут. Тогда Братец Лис запел хриплым голосом, именно, что хриплым, по-другому он не умел:

– Ай-ли-ли, ай-ли-ли!

Папка с мамкой пришли.

Эй, ребятки, выбегайте!

Папку, мамку обнимайте!

Кролики со смеху на пол посыпались, как горох, так их Лис песенкой рассмешил. Скачут и кричат:

– Очень уж хрипло поёшь, Братец Лис! Уходи! Мы тебе не откроем!

Покрутился Лис, а делать нечего – ушёл ни с чем.

Увидал Братца Волка и наябедничал, что маленькие крольчата одни дома сидят и над ним потешаются. Облизнулся Волк и побежал рысцой к дому Братца Кролика. Прибежал, забарабанил в дверь – блап-блап! Кролики притихли, а старшенький пискнул:

– Кто там?

Ушки свои наострили, ждут песенку. Братец Волк запел сильным голосом, а другого голоса у него и не было:

– Ай-ли-ли, ай-ли-ли!

Папка с мамкой пришли.

Эй, ребятки, выбегайте!

Папку, мамку обнимайте!

Крольчата так и покатались по полу, со смеху помирают. Отдышались и кричат:

– Очень уж силпло поёшь! Убирайся, Братец Волк! Мы тебя не пустим!

Волк поколотил ещё, да крепка дверь, порывал и ушёл восвояси. Пошёл он по лесу, а навстречу ему Братец Койот. Волк ему на крольчат пожаловался, как обидно они над ним позабавились. Прискакал Братец Койот к кроличьему дому. Блям-блям! – в дверь. А крольчата шумят, скачут всюду, расхрабрились, хором кричат:

– Кто там?

Тут Братец Койот прочистил горло и запел им гладко, тонко:

– Ай-ли-ли, ай-ли-ли!

Папка с мамкой пришли.

Эй, ребятки, выбегайте!

Папку, мамку обнимайте!

Оробели крольчата, глазками хлопают. Старший поскрёб за ухом и говорит:

– Не силпло поёт, не хрипло поёт. Не иначе папка вернулся?

Все дружно давай кивать. Только самый младшенький не согласен:

– Голос гладкий, да не папкин!

– Тех, кто до горшка не дорос, спросить позабыли, – отвесили ему щелбан, а сами решили: – Выглянем в окошко!

Бросились к окну крольчата, глядь-поглядь – за забором уши длинные, торчком стоят.

– Гляньте, уши какие! Это папка вернулся! – и давай прыгать, веселиться.

А младшенький крольчонок снова против:

– Уши большие, да не папкины!

– Опять ты! – закричали братья-сёстры. – Сиди да помалкивай!

Запихнули его в кастрюлю и крышкой сверху – хлоп!

Крольчата подбежали к двери, отворили, а там Братец Койот. Койот спину выгнул, лапы растопырил и прыгнул на них. Всех похватал и сунул в большой мешок. А младшенького не заметил, потому как сидел тот в кастрюле тихо, как мышка. Выбежал Койот из дверей и мешок с собой уволок.

– А что Братец Кролик? Он спас своих деток? – спросил мальчик.

– Да ты не волнуйся, милый мой. Я всё тебе расскажу, – отвечал добрый дедушка.

Как братец Койот остался без ужина

– Угодили крольчата в лапы Братца Койота. Ай-я-яй! В дом его сами пустили, хотя их папаша учил: не открывай чужим дверь. Вот Койот и утащил их к себе. Да только не заметил Койот, как на хвост ему самый маленький из крольчат упал. Такой он был малютка невесомый, ростом с кулачок. Прыгнул и уцепился за самый кончик хвоста Братца Койота. Притащил Койот мешок к холму, где своё логово обустроил. И пока запихивал добычу в нору, крольчонок у него с хвоста свалился, под куст закатился и лежит там ни жив ни мёртв.

Сел Койот нору караулить, достал ножи и давай точить – ширрах-ширрах! А крольчонок – кусточком, лесочком да подальше, а там бежать со всех ног.

Вот вернулись Братец Кролик и Матушка Крольчиха домой, а дверь нараспашку, внутри всё вверх дном; не смеётся никто, не скачет. Кинулись деток искать – нет их нигде. Сели на лавку и заплакали. Вдруг крошка-сынок бежит и кричит:

– Папка, мамка, скачите! Братьев, сестричек спасите! Злой Койот острый нож точит!

Поскакали они за сыночком. Выглянули из кустов, видят – Братец Койот сидит, на огонь дует. Кролик – Крольчихе на ушко:

– Ты, моя жёнушка, беги, с другого краю холм копай, наших деток выручай, а я Братца Койота как-нибудь отвлеку.

А крольчонок говорит:

– А ты, сынок, сиди здесь да поглядывай, как мамка наша справляется.

Матушка Крольчиха подобрала юбки и поскакала вокруг холма. Постучала тут и там, принюхалась, прислушалась, где земля осыпалась, где гулким эхом отдавалась. Рукава засучила и давай копать аж пыль столбом. Койот уши наострил: чу, что за шум? Вдруг, глядь-поглядь, бежит вприпрыжку Братец Кролик, беспечный, весёленький, будто и не слышал, какая беда с его детками приключилась. Остановился Кролик, шляпу приподнял и спрашивает:

– Как поживаешь, Братец Койот?

– Живу – не тужу, Братец Кролик. Ты вроде куда шёл? Так иди своей дорогой, я не обижусь.

А Кролик встал, дальше не идёт.

– Я гляжу, ты и нож заточил и костёр запалил. Что у тебя на ужин сегодня, Братец Койот? Не курочка ли?

– Может, и курочка. Что за дело тебе до моей стряпни, Братец Кролик?

– Да поговаривают, Братец Койот, завёлся в наших краях вор. Украл он курочку у соседа.

– Нет, Братец Кролик, на ужин у меня не курочка.

– Поросёночек?

– Может, и поросёночек.

– Тот вор и поросёнка украл.

– Нет, Братец Кролик, на ужин у меня не поросёнок.

– Может, у тебя коровка на ужин, Братец Койот?

– Может, и коровка, Братец Кролик.

– А ведь тот вор и коровку украл у соседа. А ты знаешь закон, Братец Койот?

– Какой такой закон, Братец Кролик?

– Кто чужое возьмёт,

Того палка больно бьёт.

И так долго палкой бьют,

Пока шкуру не сдерут.

Стало тут не по себе Койоту, но он виду не подал: и смеётся, и болтает с Кроликом дальше. А Крольчиха рыла-рыла, наконец, дыру прорыла. Глядит Крольчиха через дыру, а в дыре – нора, а в норе детки её сидят – глазки от страха как блюдца, хвостики дрожат.

– Мамочка, спаси нас! – запищали и лапки к ней тянут.

Матушка Крольчиха – раз – и на свет одного вытащила. Увидел это крошка-сынок, что прятался в кустах, и папке своему еле слышно поёт:

– Один из шестёрки

Уже на пригорке!

Братец Кролик услышал, конечно, слух у него – о-го-го! Только ухом не ведёт, знай дальше зубы Койоту заговаривает. Снова сыночек поёт тихонько – папке одному слышать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.